

Галина Марченко

Дурдом – это мы

Галина Марченко

Дурдом – это мы

«Издательские решения»

Марченко Г.

Дурдом – это мы / Г. Марченко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749900-6

В книге московского врача Галины Марченко — переплетение нескольких самых обычных для позднесоветской психиатрии личных историй. Реальность, однако, оказывается не столь прямолинейной, как представляют себе герои романа.

ISBN 978-5-44-749900-6

© Марченко Г.
© Издательские решения

Дурдом – это мы

Галина Марченко

© Галина Марченко, 2016

ISBN 978-5-4474-9900-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

У выщербленного каменного барьера, на середине крутого склона одного из бакинских холмов, там, где начинается улица Советская, а выше, на многоугольной наклонной площади громоздится каменный Нариман Нариманов, стояли двое.

Пространство перед ними серповидной линией было рассечено на две части: море и город. Серая неподвижная гладь воды в этот тихий предзакатный час сливалась в дымке с таким же серым небом; на блестящей поверхности застывшего моря, словно игрушки, стояли там и здесь кораблики, вдали четко виднелись сооружения порта, а за ним, как бы на острие серпа, на каменном нагорье поблескивали окнами далекие многоэтажки нового городского района.

Морская бухта занимала примерно четверть горизонта. Остальное пространство впереди, слева и за спиной, весь этот амфитеатр вокруг водной глади, заполняли мириады разноликих домов огромного прекрасного города. Пестрая неяркая мозаика плоских крыш, причудливых башенок и балконов, куполов и минаретов перерезалась неправильной сетью зеленых улиц, таких понятных, легко читаемых, словно лицо родного человека. Если можно забыть мать, значит, можно забыть и этот город, даже если родился в нем, если вдохнул первым вдохом не просто воздух, а частицу неистового бакинского ветра, который неумоимо носится по Апшерону почти круглый год.

Ведь у нас в груди есть «мертвое пространство». Это воздух, который не обновлялся, а однажды, при первом вдохе, расправил легкие младенца. Попавший туда клочок апшеронского норда так и останется в груди навсегда.

Баку – это ветер.

Даже деревья на улицах, даже шпили над куполами покривлены по направлению ветра. Пыль и мусор, оборванные с деревьев листья не лежат на месте. Подхваченные вихрево-ротом, они на секунду застывают в тихих углах, чтобы сорваться с места и снова взлететь в воздух. Бывает, зимний холодный норд так настойчиво и сильно влечёт тебя по улице, что не можешь свернуть в намеченном месте. Ветер проникает сквозь одежду, уносит твоё живое тепло частица за частицей и рассеивает его по всему бескрайнему пространству. В гул ветра врезается звон разлетевшихся, разбитых стёкол, хлопанье рам, стон и треск сгибаемых деревьев. Но, конечно, бывают и тихие дни. Прекрасно осенью в такой золотисто-голубой тёплый день, пусть даже на календаре конец октября (или ноября, или декабря). Летние режущие глаз краски выцвели, летняя зелень обратилась в золото и готова при следующем налете норда рассыпаться по бакинским улицам. Долго, долго тянется осень. Всё прозрачнее, яснее, откровеннее сады и улицы. На фоне прутьев начинаешь замечать кипарисы, маслины, олеандры – им не положено терять зелень. А пальмы укутывали на зиму в прозрачную плёнку, строили для каждой укрытие! Однако и декабрь, конец года – ещё не конец жизни. Тёплый, почти что жаркий день может выпасть и в январе и в феврале. Хозяйки выходят на балкон в лёгких халатиках,

оставляя двери открытыми, выносят на солнышко подушки и одеяла. В смене тепла и холода, в круговороте времён года надо пережить март, самый коварный и свирепый из всех двенадцати месяцев. Холодно, ветрено и тоскливо в марте. Бывает, наползет тяжелая снежная туча, высыпет на окоченевший, застывший город холодного снега. Терпение! Терпи и жди. Унылая белая монотонность тяготит душу недолго. Через один-два дня, через неделю потекут ручьи по крутым бакинским улицам, заблестит капель. А маслины и олеандры зеленеют не хуже, чем всегда. Сколько раз в зиму выпадет снег, столько раз в году и весна.

Как можно покинуть, забыть этот город? Но двоих, стоявших у барьера, не могла ранить разлука с этим городом или даже с этой планетой. Они были нездешние и собирались лететь дальше.

Недалеко от города на пустынном морском берегу остался их летательный аппарат – полузасыпанный песком тяжелый плоский диск радиусом в рост человека. От центра по радиусу на поверхности диска было три равных выемки в форме тел путешественников. Чтобы аппарат сработал, все части его должны были совместиться. Путешественникам следовало лечь в выемки, закинуть руки над головой, к центру диска, сплести пальцы рук – контакт замкнется, и таинственный корабль бесшумно поднимется над землей и растает в небесах.

Двое были готовы к полету, но третий затерялся в пестрой суете города, не отвечал на сигналы, не являлся на встречи. А без него летательное устройство было не полным и не могло функционировать. Двое у барьера напряженно вслушивались в эфир, ловили в хаосе пространства знакомый сигнал, но напрасно. Безотказная система вышла из строя.

А тот, кого искали, был недалеко. Заур, так его назовем, по неудачному стечению обстоятельств, от которых не застрахован даже представитель внеземной жизни, попал на больничную койку. Мозг его был одурманен, лишен способности излучить сигнал или принять его инъекцией лекарств. Ведь лечили его от алкогольного психоза, с таким диагнозом он и попал в городскую психбольницу.

Больница была маленькая, расположенная наполовину в полуподвалах, давно не ремонтированная, из-за чего терпела беды по части канализации, но зато старейшая в городе, с историей, некоторыми традициями и даже кафедрой, где учили не студентов, а уже готовых врачей, даже из других городов.

На кафедре, естественно, имелся профессор со своими помощниками. А в больнице было полтора десятка врачей-психиатров, среди них Виктория Леопольдовна, заведующая мужским отделением, и Роза Марковна, лечащий врач Заура. Кафедра, во главе с профессором, слегка враждовала с больницей. Профессор полагал, что здесь, кроме него, не может быть другого авторитета, но постоянно получал сведения, что кто-то из врачей больницы позволяет себе, в своём кругу, конечно, обсуждать и осмеивать его лекции, разборы, диагнозы и назначения.

Врагов и завистников было немало, хотя были и друзья, не просто подхалимы-двурушники, а преданные друзья, состоящие при этом с профессором в родственных связях: его брат, глава наркологического отделения, его сестра, во главе женского, его родная дочь в роли скромного ординатора на полставки, признанная красавица, известная всей республиканской психиатрии. Так что жизнь больницы разнообразилась небольшими раздорами, неопасными интригами и доносами. Серьёзного ущерба ни одна из сторон понести не могла: во-первых, работали они вместе и выполняли одну и ту же задачу, а во-вторых, относились к разным

ведомствам и подчинялись разным начальникам. Впрочем, иногда вражда обострялась, тут могли и с работы выгнать и даже под статью подвести.

Профессор, конечно, был сильнее и мог многое. Тех своих врагов, на которых стоило тратить силы, он всегда побеждал. Не мог он только убогое, разваливающееся строение, в котором размещалась больница, превратить в приличное лечебное учреждение – тут нужна была помощь Господа Бога, потому что принудить Минздрав перевести больницу в новое помещение не удавалось и прежде, не то что в наши тяжелые времена.

Кафедра обреталась в подвале, в углу двора. Спустившись на несколько ступенек, посетитель попадал в комнатку секретарши Изы, с большим зеркалом, полированным столом, обилием цветов в горшочках и картинок на стенах. Дверь в просторный кабинет профессора была резной, тяжелой, с литой медной ручкой.

Аудитория напротив кабинета была тоже просторной, с кафедрой, доской и рядами кресел. Однако целый день приходилось сидеть при электрическом свете, а сквозь продолговатые окошки под потолком можно было увидеть только часть тротуара и ноги прохожих.

Заур же находился уже третий день в беспокойной палате, самом большом помещении первого мужского отделения, где на щелястом деревянном полу, у широких окон, густо затянутых решётками, стояло впритык тридцать железных привинченных к полу кроватей. Бельё на них выдержало не одно уже «списание», т.е. давно уже истекла его годность, но что поделаешь! В палате не разрешалось курить, но табачный дым реял в воздухе, сгущаясь до голубоватого тумана в дальнем конце палаты. Под наблюдением могучей нянечки тридцать больных, не вышедших из психоза, ходили, стояли, лежали и сидели, вслушиваясь в свои «голоса», предаваясь своим болезненным переживаниям. Здесь, в этой палате, было основное поле деятельности психиатров. Здесь каждое утро во время обхода появлялась заведующая Виктория Леопольдовна, красивая, хотя и немолодая женщина с богатым прошлым и безбедным настоящим. Проницательным психиатрическим взглядом окидывала она каждого больного и по выражению лица, глаз, по движениям больного уже знала, кому стало хуже, с кем надо побеседовать, прибавить дозу, а кто на пути к выходу из острого состояния. Пусть больной прикидывается здоровым, отрицает у себя «голоса», отвергает недавно высказанные бредовые свои идеи – её не проведёшь.

– Ну, что, Заур, голосов меньше стало?

– Вообще никаких нет, доктор.

После обхода Виктория Леопольдовна с другим врачом отделения, своей ровесницей и подругой Розой Марковной вернулась в ординаторскую. Из-за тесноты у заведующей не было своего отдельного кабинета, но обе – Вика и Роза – отлично уживались и понимали друг друга. Стоял здесь и третий стол для третьего врача – вчерашней студентки Фани. Имея маленького ребёнка, Фаня работала через день и ни в чем не могла тягаться с Викторией и Розой – за исключением расположения шефа Мамули. Шефом с ласкательным именем Мамуля и был профессор кафедры Мамед Мамедович.

Виктория Леопольдовна и Роза Марковна сели за маленькое утреннее чаепитие, а точнее, за маленькую ежедневную пятиминутку для себя. Явилась старшая сестра отделения пожилая

Вера Ивановна, а попросту Вера с журналом назначений, а вслед за ней санитарка Соня с кипящим чайником и салфеткой.

– Соня, ты мне купи пачку молока, творог и спроси в рыбном у Сабира, он мне икру обещал. Вот деньги.

– Да, Виктория Леопольдовна.

– А мне пучок кинзы принеси, возьми вот мелочь.

– Да ну вас, Роза Марковна, принесу, потом разберёмся, – отвечала Соня, расстилая яркую большую салфетку и расставляя на ней чашки, тарелочки и пепельницу (обе подруги курили).

Виктория начала диктовать Вере назначения, которые Вера тут же заносила в журнал. Вера Ивановна была местная, жила прямо напротив больничных ворот, и проработала она в больнице лет пятьдесят, начав чуть ли не до войны санитаркой. Знала и умела она всё, что требуется от медработника в сумасшедшем доме, знала больных, препараты, замечала изменения в состоянии каждого больного и ценилась в отделении, конечно, пониже Виктории, но уж выше кафедральных, не исключая и самого шефа. Роза, Вика и Вера несли основную тяжесть работы в этом сложном большом отделении.

– А как профессорский? – спросила Роза.

– Плохо, Роза Марковна, со вчерашнего дня такой, как сейчас.

Хотя и не было маломестных, а тем более отдельных палат во всей больнице, но всё-таки особое место для избранных больных было и здесь – прямо напротив дежурки, чтобы на виду, у окна. Сейчас его занимал молодой парень из района, которого привезли вчера со связанными руками в сопровождении отца и братьев на собственной «Волге». Родственники вчера, минуя приёмную, проследовали сразу к профессору.

Мамуля немного торопился. Был уже третий час, а в половине третьего его ждал в профилактории золотой механик Арнольд. Хотя водил профессор машину не первый десяток лет, но не знал он и не хотел знать, что у неё внутри. На это были свои хорошие специалисты, и Мамуля согласен был платить им хорошие деньги.

Итак, поглядывая на часы, он выслушал бестолковый рассказ родных о внезапном помешательстве привезённого, задал два-три вопроса о семье, о наследственности, и наконец сказал: «Приведите больного».

Братья больного вышли, отец остался, осматриваясь кругом. Мамуля не стыдился своего кабинета, он понимал толк в красивых вещах, знал, как должно выглядеть рабочее место специалиста его ранга. Однако впечатление портил лёгкий, но неистребимый запах затхлости, сырости, напоминавший, что шеф сидит всё-таки в подвале, что черномородские сточные воды пронизывают грунт со всех сторон.

Районская «Волга» стояла прямо перед окошком. Мамуля видел, что на заднем сиденье полулежит больной. Глаза его были закрыты, руки спрятаны в карманы. Поза напряжённая,

губы сомкнуты. «Галлюцинирует». Братья стали вытаскивать его из машины, загородили его, однако было ясно, что он упирается. Под сдавленные вскрики и шум сдержанной потасовки больной оказался, наконец, на тротуаре.

Но один из братьев стоял в стороне, сплёвывая кровь из разбитой губы, а другой в это время скручивал безумному руки длинным разорванным шарфом.

Профессор вернулся к столу, нажал кнопку селектора:

– Пошлите санитаря, пусть поможет.

Потом обратился к отцу:

– Значит, говорите, и мать у него болеет?

– Да, профессор, вот уже 21 год, через год после его рождения с ума сошла. На учёте мы её не держим, меня все знают, но лечили её в Москве, в Ташкенте. Сейчас ничего.

В общем, картина была ясная.

– Отведите его прямо в отделение, – распорядился Мамуля. Он черкнул назначения больному и, передавая их Изе, распрощался с родными:

– Вы можете идти. Завтра он будет спокойнее, разберёмся, вылечим, всё в наших силах.

– Спасибо, спасибо, профессор. На небе Аллах, на земле Вы. Только на вас надежда.

И вот теперь этот больной лежал в отделении у Виктории. Был он в отличие от вчерашнего бледен и неподвижен. Надо сказать, что в давние времена безумных лечили холодной водой, цепями, клизмами. Попозже – опиум, снотворными. Но переворот в психиатрии сделал изобретение нейролептиков. И самым надёжным, самым проверенным был музизазин, благодаря которому больные не только успокаивались, но и могли жить дома, среди родных, не терзая их своими выходками.

Доставленному вчера больному сделали уже четыре инъекции музизазина, согласно назначению Мамеда Мамедовича. И ангел смерти Азраил в который раз влетел в это ветхое строение и реял теперь под потолком, ожидая исхода.

Виктория вчера никуда не торопилась и могла более внимательно, чем профессор, приглядеться к больному. И хотя она не знала анамнеза, то есть предшествующих обстоятельств, а может, благодаря этому (ведь родственники, из соображений чести семьи, не упомянули кое-каких подробностей о привычках бедняги), так вот, она не согласилась бы с выводом профессора, вздумай он проконсультироваться с нею. Она не прописала бы ему ни за что этот самый музизазин, а поставила бы капельницу и влила бы туда другого нейролептика. И Роза, с которой они вчера же обсудили свой предварительный диагноз, сделала бы то же самое. Но вмешиваться в чужие назначения нельзя – по субординации, по этикету.

Ибо превыше всего – врачебное искусство. Следом, вторым пунктом, идёт коллегиальность. А затем уже – интересы отдельно взятого больного. Такие понятия руководили Викто-

рией. Но не совсем солидарна с ней Роза, да и не все врачи придерживаются такой градации. И слава богу. А вот Фанечке подобные мысли и не приходили в голову.

Впрочем, Фане (а правильно – Франгиз) до Вики, Розы или Веры не дорасти никогда, будь у неё сто лет практики. Мозги у неё не так устроены. Ценит она дом, семью, благополучие, достаток, карьеру, наконец, но сложные абстрактные движения души вне её возможностей.

Если больной умрёт, Мамуля без особых осложнений выйдет из неприятного положения, хотя и потеряет очки в подспудной борьбе между больницей и кафедрой.

Разумеется, Мамед Мамедович был отличным специалистом, довольно известным в своей области. Внёс он в своё время некий вклад в науку о душевнобольных, сказал новое, понятное коллегам своё словечко. Среди всего Мамулиного семейства, добывавшего свой хлеб в психиатрии, один он мог что-то дать ей, а не только взять.

Знали его кое-где за рубежом, чем он весьма гордился, приходили, бывало, на адрес кафедры конверты и бандероли аж из Америки.

Но многое ведь мешало профессору использовать свой потенциал для лечения больного. Тут и оторванность от постели больного – ведь профессор сидит на кафедре, а не в отделении. Конечно, он ходит на обходы, но это скорее официальное мероприятие, а не врачебное присутствие. Тут и недостаток времени – лекции, консультации, участие в жизни института, которому принадлежит кафедра. Не раздвоишься ведь. Тут и определённые ограничения, связанные с соблюдением авторитета, сохранением престижа.

Нет и не может быть у него товарища, с которым он мог бы обсудить свои сомнения, как, скажем, Роза с Викой. Он был загружен также и административными заботами как глава кафедры. И хотя он держал у себя только работоспособных, хороших сотрудников, а не каких-нибудь протезированных балбесов (на подобные роли хватало ему и собственных родственников), всё равно хлопот было множество. «Встаю в шесть утра, думаю о работе», – говорил он о себе в доверенном кругу, и это была правда.

Потому-то районские родственники допустили ошибку, поручив своего больного именно профессору (за достойный профессора гонорар). Надёжней было бы доверить его простому, хорошему врачу из больницы. И теперь вот больной был на пути в лучший мир, и никто из больничных работников не сунется возвращать его обратно.

Виктория Леопольдовна и Роза уже заканчивали своё короткое чаепитие, когда на столе захрипел селектор и голос Мамеда Мамедовича, искажённый, но всё же узнаваемый, заставил всех присутствующих умолкнуть.

– Здравствуйте, Виктория Леопольдовна.

– Доброе утро, профессор.

– Как дела, как здоровье?

– Спасибо, Мамед Мамедович.

– Как там новый больной?

– Он спит под музизазином.

Мамуля уловил в интонации невидимой собеседницы тревогу.

– Подойти, посмотреть его, да, Виктория Леопольдовна?

– Было бы очень хорошо, Мамед Мамедович.

«Бессовестный», – под нос себе выругалась Вера. Роза кисло взглянула на Вику: «Сейчас всё на нас свалит». Всё трое уставились в окно. Из-за нарядной, увитой цветами загородки, окружающей подвальную кафедральную лестницу, появилась благородная голова Мамули, в тёмных кудрях, с мерцающей между ними лысиной, в тёмных очках, затем вся его высокая узковатая фигура в белом халате, больше похожем на элегантный плащ. Профессор размашисто и быстро пересёк дворик. К тому моменту, когда он появился в отделении, Роза и Вика уже траурно стояли у постели больного.

Скрыв дрожь, пробившую его, едва взглянул он на неподвижное тело, Мамуля наклонился, взял пульс. Вера Ивановна уже стояла рядом со шприцем наготове.

– Кордиамин, Мамед Мамедович.

– Давайте, Вера. Роза Марковна, займитесь, это моя просьба. Что надо, преднизолон, систему – пошлите кого-нибудь, я дам.

Чуть позже, сидя у Вики в ординаторской (а Роза с Верой хлопотали возле больного), Мамуля доверительно говорил ей:

– Я ужасно, ужасно загружен. Вчера меня ждали в одном месте, сложная консультация. Просто не в силах всё охватить, постарел уже.

Он обернул лицо в сторону вошедшей Розы.

– Да и нам пора уже на помойку, мы же не помолодели, Мамед Мамедович, – ядовито отозвалась Роза.

– Что вы, Роза-ханум, вы хоть куда, грех вам жаловаться. – Сейчас Мамуля готов был стерпеть и более откровенный выпад, тем более, что тон был у Розы бодрый, агрессивный. Значит, дела не так плохи, больной не безнадежен. – Спасём, Роза Марковна, не дадим умереть. Проснётся и выйдет из психоза, не в первый раз.

Он подмигнул Фане, которая, как всегда, с солидным опозданием скользнула в кабинет.

– Что делиранту нужно? – сон, сердечные и... и уход, – он запнулся, забыв третье слово, тоже на «с» из известной медицинской поговорки.

– Так я на вас полагаюсь, Роза Марковна. – Мамуля встал, прошёл к двери. – Родственники сегодня к вам подойдут.

Роза вскочила вслед за ним, снова направилась к больному. Тот уже перестал быть таким бледно-жёлтым, признаки жизни появились в его облике. Вернулась в кабинет Роза полная активности, возмущения, агрессии.

– Старый пердун, сука, сволочь! – все три «с» были налицо. – Чуть не угробил мальчишку! «Проснётся и выйдет из психоза»! Если б нас не было, мог бы уже личное кладбище иметь, убийца! Делирий не распознал, маразматик, а бабки умеет загребать!

– Ну не рычи, Роза. Это ведь наша обязанность.

– Дерьмо за ним подтирать?

Роза пнула ногой стул, досталось и мусорной корзинке. Весь мусор, набросанный туда с понедельника (не убирают, собаки), веером рассыпался по полу. Фаня, только что удобно расположившаяся завтракать, в негодовании вскочила и выбежала в коридор:

– Соня, Эля, идите, уберите, я не могу так работать!

Пронзительный Фанин крик оторвал взгляд Веры Ивановны от капельницы, поверх очков она перевела его на Фаню:

– Успокойтесь, Фанечка, вы молоденькая, берегите нервы.

– Не смейте вопить в коридоре, Франгиз. тут психиатрическая клиника, а не проходной двор, – Виктория Леопольдовна, несмотря на строгий свой тон, в душе усмехалась. Ясно было, отчего взъярилась Фанечка.

Злобно сверкнув накрашенным глазом в сторону Виктории, Фаня рванулась к выходу – к подруге в лабораторию, успокоиться.

Время текло, капля за каплей жидкость из флакона переливалась в вену больного. Смуглая грудь, наполовину прикрытая простынёй, тихо, но отчётливо дышала, а лицо было просто спящим. Азраил незримо исчез из-под высокого куполообразного потолка. Осталось лишь сероватое пятно на белой извёстке.

Сегодня было ещё одно дело к профессору. Виктория Леопольдовна нажала кнопку селектора, прокашлялась:

– Извините, Мамед Мамедович, я не успела вам сказать. У нас один больной недиагностированный к вам на консультацию.

Речь шла о Зауре, космическом пришельце.

– Хорошо. Можно через час, – сказал Мамуля. – Или вот что. Давайте, если не срочно, перенесём на следующую неделю. Можно в понедельник.

– Спасибо, Мамед Мамедович.

Мамуля хотел сегодня уйти пораньше, нужно было.

А Роза Марковна снова вызвала Заура в кабинет, на беседу.

– Ну, расскажи, Заурчик, почему ты здесь, что с тобой было.

– Алкогольный психоз, – отвечал Заур, который уже ознакомился со здешними порядками.

– Ты был просто выпивши. Но алкогольного психоза у тебя не было, ты не алкоголик. Что ты тогда говорил, ты помнишь?

Заур улыбнулся.

– Хотите, чтобы я вам рассказал? Вы же не верите во всю эту парапсихологию.

– Постарайся меня убедить. Ты что же, экстрасенс, читаешь мысли или умеешь лечить? Расскажи.

В кабинет заглянула Соня.

– Виктория Леопольдовна, вас в приёмную к телефону.

Виктория вышла.

– Роза Марковна, как вы считаете, есть ли бессмертная душа?

– Боюсь, что нет.

– А с чем же вы тогда работаете? Если нет души, то нет и душевных болезней.

– Есть душа, Заур. Это психика человека. Мы лечим психические расстройства.

– Душа – это не психика. Душа – это продукт мозга. Мозг строит её всю жизнь. А когда человеческое тело исчерпается, постареет, изнашивается, душа, наоборот, созреет, обретёт способность существовать без мозга, в своей собственной форме.

– Как же ты её ощущаешь? – Роза гнула своё. – Ты видел её, слышал её голос?

– Никаких «голосов» я не слышу. А ощущать душу может только другая душа. У вас, психиатров, это профессиональное.

– Но душа есть не у всех, – почему-то сказала вдруг Роза.

– Да, конечно. Есть неразвитые, неполноценные, уродливые души. Они не способны перейти к самостоятельному существованию. Они исчезают вместе с телом. А вот самоубийца, например, губит и свою бессмертную душу, когда раньше времени уничтожает своё тело.

– Ну хорошо. А какая же твоя роль, ты контактируешь с этими душами, общаешься с ними?

– Не в этом дело. Просто я сам – это душа в вашей телесной оболочке, я просто попал сюда и должен потом лететь дальше.

– Значит, твоё тело – это искусственная оболочка?

– Да, как дорожная одежда для моей души.

– А ты мог бы жениться, иметь детей?

– Иметь детей? Не знаю. Наверное, нет. Ведь вы не ждёте, что на вашей шубе начнёт отрастать шерсть.

– Значит, «голоса» ты не слышишь, ни с кем не общаешься, но являешься представителем потустороннего мира?

– Путешественником. У меня здесь нет ни дома, ни родных. Я не вписан ни в какие списки, я не числюсь нигде. Я вне вашей жизни.

Тихо скрипнула дверь. Это явилась от подруги Франгиз. Села тихонько за стол, убрала разложенные с утра вещи – термос, невостребованный свёрток с бутербродами, раскрыла историю болезни, начала что-то писать.

– Что ж, иди, Заур. В понедельник покажем тебя профессору, выставим диагноз. А там посмотрим.

– Спасибо, доктор.

– Шизофрения у него, а никакой не алкогольный психоз, да, Роза-ханум? – сказала Фаня.

– Не знаю, Фанечка. Не разберусь пока, не дотягивает он до Блэйлера. Схизиса нет.

– Да выпустить его, и дело с концом. Не больше он нас с вами, – оказалось, Вера Ивановна, со своим журналом всё это время сидела в Викином углу за шкафом.

– Мы с вами, Вера, уж точно не здоровее него, на старости лет, – отозвалась Роза, но тут же прикусила язык – в дверях, в окружении санитарок, стоял её любимый человек, молодой (по сравнению с ней) и красивый Анатолий Багирович, зам. главврача, или просто завхоз. На этот раз не хозяйственные соображения привели Анатоля сюда, а надежда увидеть Розу и наметить пути примирения, после очередной ссоры. Общаюсь с психиатрами столько лет, он научился, как они, по интонации своего собеседника, по взгляду, по лёгким произвольным движениям угадать его мысли.

Что связало его с Розой? А кто поймёт, как протягиваются нити между сердцами, как они связываются в узелки, почему они рвутся?

Розу Марковну не назовёшь ни молодой, ни красивой. А у Анатоля так много забот! Легко ли держать в порядке хозяйство больницы, сводить концы с концами? Он занимался полузаконным бизнесом, что-то доставал, менял, перепродавал, был незаменимым помощником для главврача и обеспечивал существование своей семье, миловидной домохозяйке Тамилле и двум дочуркам. Итак, Анатолий стоял в дверях, осматривая потолок. Не протек ли после недавней починки? А это что ещё за пятно? На Розку можно было вообще не смотреть, она казалась безразличнее этой стены. Ну что ж, перейдём в следующее помещение.

Переулок у больничных ворот был засажен тузовыми деревьями. Асфальт под ними, как всегда в июне, был клейким и чёрным от сладкого сока непрерывно падающих ягод. Подошвы липли к тротуару. Сколько по городу этих деревьев, сколько ягод гибнет под ногами пешеходов! Мальчишки не в силах объесть этот ежегодный урожай. Дворники не пытаются убрать улицы, их отмоют только дожди.

Роза вышла за ворота, и сразу же ей на кофточку свалилась чёрная ягода, оставив яркий влажный след. «Ничего, отмоется», – подумала Роза. Она была довольна: больной спасён, профессор посрамлён, всё хорошо. Было уже часов шесть, но день ещё не кончался. Не хотелось идти домой, где в чистой, пустой комнате в солнечном косом квадрате одиноко спит кошка и даже телефон молчит – разбился на днях, когда Роза, не рассчитав, швырнула его во время разговора с Толиком. Сам же и починит, никуда не денется. Хорошо бы пришёл сегодня к ней – а её дома нет!

Роза свернула на улицу, ведущую к морскому порту. Эта часть Баку, между центром и Чёрным городом, была застроена прочными, широкими домами с толстыми стенами и огромными окнами. Корпуса предназначались для заводских цехов, для морских складов. Они стояли уже лет сто, их стены были покрыты одинаковым тёмно-серым налётом. Вот и угловой дом, на котором улица кончается.

Роза миновала старое, кривое, толстое туговое дерево, под которым асфальт был тоже чёрным и липким, свернула вправо. Ветерок нёс волнующий запах бакинского бульвара, запах моря, нефти, зелени, нагретого асфальта. Улица напротив морского вокзала превращалась в площадь, а сам морской вокзал, состоящий, казалось, из одних только стёкол и металлических переплётов между ними, был просто гигантской дверью в море.

Перейдя через дорогу так, как и полагалось бакинке, то есть не интересуясь светофором и полагаясь только на себя при выборе прохода через поток мчащихся машин, Роза оказалась на бульваре.

Здесь так же прекрасно, как и было. Как будто не развалилась вся наша жизнь, не сломалось нерушимое, как будто не разбито и не затоплено всё побережье бухты. За прочным, высоким каменным барьером плещется покрытая нефтяной плёнкой волна, сбоку высится белая стена громадного корабля, с рядами иллюминаторов.

Когда мы были молодые,
Фонтаны били голубые

И розы красные цвели, – перевирая слова, замурлыкала Роза. Всё было на месте, и розы и фонтаны, и пальмы. В клумбах росли какие-то незнакомые здоровенные колючки, какой-то африканский чертополох. «Ничего, красиво». Не только на бульваре, во всех парках нашего города встретишь самых неожиданных гостей со всего света, которым климат Апшерона поз-

волил прижиться, расти и цвести, как у себя дома, на удивление иному ботанику. А самый милый из всех парков и садов – это парк Дзержинского, переименованный, конечно. Короткие, широкие аллеи перемежаются площадками, лесенками и ручейками. Есть в нём просторная зелёная лужайка, есть кусочек прозрачной сосновой рощицы. А в фонтане всё лето купаются окрестные мальчишки.

Роза медленно шла по кирпичным шестиугольным плиткам набережной. Рядом с визгом носились дети, изредка встречались вельможные собаки в сопровождении своих владельцев. Здесь когда-то гулял по ночам знаменитый берберийский лев, который кончил свою жизнь от пули милиционера. Не поладил с хозяином.

Скрипят вагончики аттракциона, пронзительно вскрикивают чайки, плещется море... Разруха начинается дальше, где нет уже каменного барьера между водой и сушей. Лучшая, самая оживлённая часть бульвара неотвратимо разбита морем. Вместо цветочного бордюра у края воды неровный ряд чёрных от мазута камней. В щелях асфальтового настила шевелится морская вода, и с каждым ударом волны из всех щелей по всей протяжённости бульвара дружно взмываются маленькие и большие гейзеры. Занятная картина. Но только держись подальше от этих фонтанов, не отмоешься потом.

Ряды голых, сухих деревьев тянутся вдоль всего нижнего яруса набережной. Они так и не проснулись весной, корни их полощутся в ядовитой морской воде, потому и нет листвы на их ветвях. Зато густо разрослась какая-то серо-зелёная трава, под цвет незасыхающих луж. Нет ни ресторанчика на конце эстакады, ни самой эстакады, остались одни только уходящие в море сваи. Разбита и вторая эстакада, к которой причаливали белые прогулочные катера. Помнится, был среди них один под названием «Прибой»...

Ну и что ж? Не отчаиваться же. Оглядишься ещё раз: вместо исчезнувших ажурных решёток строится прочный каменный барьер, такой же, как у морского вокзала, а под ноги укладывают камень вместо песка. Плавающий подъёмный кран покачивается у берега, а рядом с ним облупленный и немного проржавелый катерок принимает на борт пёструю мелковатую публику прямо с берега по деревянному временному настилу. Никогда так не было, чтобы никак не было. Справедливая мысль.

Роза свернула с бульвара, прошла по бывшей улице Корганова, мимо магазина совсем уж бывшего Шахновича и углубилась в узкую, кривую улицу. Вот и побурелые ворота двухэтажного старого дома, где Роза прожила всю свою жизнь. Настоящих старожилов никого уже нет, никто здесь не помнит ни её мать, ни тем более отца, фотографа Марика, никто не может назвать её Розкой. Дети новых соседей обращаются к ней по-азербайджански, и Роза едва умеет им ответить. Родившись в Баку и прожив здесь всю жизнь, Роза всего лишь бакинка, а не гражданка Азербайджана: не выдержит она самого лёгкого экзамена по языку, литературе и истории этого суверенного государства. Но ведь бакинцы всегда были особым племенем Апшерона, выплавленным здесь, среди песков и ветров из всяких разных народов, у синего моря, под жарким солнцем. Наша кровь насыщена молекулами нефти и моря, мы привыкли к повышенной радиации и к давлению упругого живого нашего ветра. В повадке бакинцев свобода и небрежность, как у богача, не обременённого ежедневным борением за кров и насущный хлеб. Ведь солнце будет всегда, да? И кусок хлеба найдётся. (Но ведь этого слишком мало- потому и мы работаем не меньше других).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.